

Высшая степень интеграции

Андрей АНИСИМОВ

Иит сидел, забившись в узкую щель между двумя валунами, неподвижный и серый, точно и сам превратившийся в камень. Загнанный зверь, казалось, совсем обессилел от многочасового преследования, но Шемлик знал, насколько коварна эта тварь. Немало охотников остались покалеченными, потеряв бдительность и решив, что они стали хозяевами положения. А многие потеряли и жизни. Особенно молодые. Он, Шемлик, брал уже семнадцатого, и кажущееся бессилие зверя не обманывало его. До тех пор, пока вокруг его тела не сомкнется петля молниебоя, ни в чём нельзя было быть уверенным и расслабляться. И даже после этого, тоже...

Шемлик подкрался поближе, медленно раскручивая, словно пращу, толстую косицу электрической петли. Слева, подстраховывая его, показался ещё один загонщик, тоже с молниебоем наготове. Ещё двое прикрывали другую сторону. За Иитом высилась отвесная стенка с карнизом, так что деваться ему было некуда. И если он бросится на загонщиков, то именно на него, на Шемлика. Шемлик азартно крутанул молниебой сильнее, прикидывая расстояние и силу броска, но в тот момент, когда петля готова была сорваться

с его пальцев, зверь, точно почуввав, что медлить больше нельзя, бросился в атаку. И сделал это так, как не ожидал никто. Взмыв вертикально вверх, он оттолкнулся всеми четырьмя лапами от нависшего над ним карниза и, придав таким образом своему невероятно гибкому телу нужное направление, обрушился на растерявшегося от такого поворота Шемлика. В воздухе просвистели запоздало брошенные петли, и ни одна из них не достала Иита. В последний миг Шемлик успел-таки метнуть свою, но этот бросок ничего не изменил. Он успел увидеть оскаленную жуткими клыками морду зверя прямо перед своим лицом и цепочку его дико вытаращенных багровых глаз, после чего последовал страшный удар, и всё померкло.

* * *

Сысоев стянул с себя шлем, бросил его наземь и выругался. Опять ничего не получилось. Он бился уже пятую или шестую неделю, и всё впустую. Все воспоминания, которые он считывал, обязательно заводили его в никуда; они заканчивались ничем, ничем и начинались. Никаких переходов между ними, как уверял Хранитель Хатма, и в помине не было. Он просматривал жизнь каждого

умершего члена Общины, от начала и до конца, перепрыгивая, для экономии времени, через годы и десятилетия, но не находил в них ни единой перемигивки с другим воспоминанием. И уж тем более, не мог найти самого первого, именно того, что ему и было нужно. По двадцать-тридцать воспоминаний в день, сотни за неделю и тысячи за всё это время. Осколки прошлого, которые так и остались разрозненными осколками.

Услышав витиеватые словоизлияния этнографа, в Хранилище заглянул работавший неподалёку экзобиолог Голованов.

— Снова осечка?

— Я тут с ума сойду, — устало проговорил Сысоев, вытирая вспотевший лоб. — Нет, наверное, это дело безнадежное.

— Что, так трудно найти самое начало? Хранитель уверяет, что у него тут полный порядок.

— Ну его к чёрту! — в сердцах бросил Сысоев. — Я вырываю куски одной, общей памяти, но они не указывают дорогу в нужном направлении. Абзацы, вырванные из многотомного труда, что тут можно понять? Порядок! — передразнил он. — Какой тут может быть порядок, если ни в одной активной точке, которую он мне указал, я не могу увидеть, что мне нужно.

— Значит, что-то не то с этой штукой. — Голованов ткнул пальцем в шлем. — То, что состряпали тебе наши ребята, ни на что не годно, вот что я тебе скажу.

— Нет, — упрямо помотал головой Сысоев. — Шлем что надо, дело, скорее всего, в другом. В методе поиска, вот в чём загвоздка. В самой мнеморике. То, что я сейчас делаю, равносильно рассматриванию мозаики под микроскопом. Если хочешь понять, что представляет собой вся картина, требуется изменить масштаб. Причина в низкой степени интеграции с Сосудом. Нужно что-то... — Сысоев запнулся на мгновение, подыскивая нужное слово, — более объемлющее. Нужен иной подход.

— Я думаю, тебе нужно ещё раз поговорить с Хранителем. По-моему, разобратся в его головоломке проще, чем рыть самому.

Сысоев наградил его взглядом бесконечно усталого долгими и безрезультатными попытками человека.

— Если ты такой умный, давай поменяемся местами. Попробуешь сам.

— Э-э, нет, — улыбнулся Голованов. — У меня полно своей работы. Сейчас заканчиваю здесь и ухожу в другую ветвь. А копаться в истории, этносе и прочем — твоя работа. А с Хаттма поговори. Вон он, кстати, идёт.

Сысоев обернулся. Из полутьмы Хранилища показался нолжетец небольшого роста, с панцирными пластинами, давно потерявшими свой первоначальный блеск; их покрывала густая сеть мелких царапинок, выдающих солидный возраст аборигена. Подойдя к сидящему на полу этнографу, нолжетец прикоснулся к его лбу длинным пальцем и проговорил:

— Пусть твой сосуд не переполнится никогда.

— Пусть твой будет как Большой Сосуд Памяти, — ответил Сысоев традиционной фразой и добавил более привычной: — Здравствуй, Хаттма.

— Здравствуй, человек.

— Увидимся в лагере, — бросил Голованов и исчез.

— До вечера, — пустил ему вдогонку Сысоев.

— Много знаний перелилось из Большого Сосуда в твой? — поинтересовался Хранитель.

— Много, а что толку, — раздражённо ответил Сысоев. — Я так и не нашёл того, что ищу.

— Значит, ты не там ищешь.

— Знаю, но я никак не могу найти то, что приведёт меня к нему.

— Я ничем не могу помочь?

Сысоев только покачал головой. Хранитель Большого Сосуда Памяти Общины Нолжети предлагал свои услуги не раз, но от него он добился не больше, чем в результате самостоятельных поисков. Хаттма вроде бы без проблем находил нужные места, но то, что он говорил, было таким же ребусом, как структура памяти самого Сосуда. То ли он и сам толком ничего не знал, то ли нарочно темнил, что-то скрывая. Нет, он должен разобраться во всём сам. Только тогда можно было рассчитывать на успех.

Размышления Сысоева были прерваны появлением в Хранилище небольшой процессии из пяти местных, средний из которых нёс погребальную чашу. Кому-то опять не повезло на охоте, решил Сысоев. Или просто умер от переполнения.

Оставив человека, Хаттма принялся за исполнение своих обязанностей.

Взяв из рук пришедших погребальную чашу, он извлёк из неё небольшой кусок тускло поблескивающего вещества, поставил чашу на пол и, держа принесённое в ней обеими руками, направился в центр Хранилища, где между полом и потолком, удерживаемый неким подобием сталактита и сталагмита, покоился сферический ком стекловидной массы величиной с голову слона — Большой Сосуд Памяти. Обойдя его кругом, Хранитель нашёл нужную, только ему одному известную точку на нём и, приложив к ней свою ношу, принялся что-то быстро-быстро говорить, прерывая этот монолог резкими высокочастотными звуками.

Всё это Сысоев видел уже не раз.

Аборигены, как существа исключительно силикатные, не умирали от недугов или старости, как органики. Если они не гибли под ударами молний бешеных гроз этой планеты или на охоте, или срывая волчки роторных камней, или ещё по какой причине, то основной причиной их кончины было переполнение. Каждый абориген в течение своей достаточно долгой жизни накапливал огромное количество различной информации, которую никогда не забывал: всё, что он когда-либо видел или слышал, записывалось в их кристаллических мозгах навек. Смерть наступала тогда, когда этой информационной массы становилось так много, что она занимала всю ёмкость мозга, отведённую под память, и начинала занимать те области, которые отвечали за функционирование организма, тем самым нарушая нормальный ритм его работы. И тогда наступал конец. Выбросить что-либо из памяти, забыть, было для них невозможным, — это было их и благом, и проклятием. Тела умерших помещали под корни Общины, чтобы она могла взять из них нужные для себя элементы, а

мозг извлекали и приносили сюда. Для «перекачки» его содержимого в общую память Общины. Это называлось переливать из малого сосуда в Большой.

Этот Большой Сосуд был настоящей сокровищницей. В нём содержались все воспоминания всех живших когда-либо обитателей Общины Нолжети, вся её многотысячелетняя история, а следовательно, где-то среди них — и те, что относились к моменту её возникновения. Община Нолжети считалась самой старой на планете, стало быть была родоначальницей всех остальных Общин. И именно в Большом Сосуде этой Общины хранились сведения о том, как здесь, в этом невероятном мире силикатных и органосиликатных форм, зародилась цивилизация... Это был главный интригующий вопрос.

Община Нолжети, как и все другие, также являлась одной из растительных форм местной жизни, смесь органики и неорганики, которую высаживали, а потом поддерживали её существование, скармливая ей кучу всякой всячины, для чего и ловили иитов, добывали роторные камни, электретные сланцы и прочее. Всё это огромное, словно выдутое из цветного стекла, уходящее глубоко под землю строение, было этаким местным эквивалентом дерева, которое, в свою очередь, давало обитавшим в нём аборигенам всё, что им было необходимо. Это был взаимовыгодный симбиотический союз, но тут имела одна любопытная заковыка.

Местные не рождались в привычном понятии этого слова, не носили в себе плод, не откладывали яиц, не размножались почкованием, они просто вырастали, и взращивало их именно древо Общины. Закономерен вопрос: что же было вначале — Община или аборигены. Курица или яйцо. Ведь без своих обитателей Общине не вырасти и не выжить, а те, вообще, никогда не появились бы на свет, если бы не она.

Может Общины и сами разумны? И, исходя из своих потребностей, первая из них когда-то попросту создала себе слуг?

Сысоев мотнул головой. Какой смысл строить предположения. От-

вет рядом, вот он, на расстоянии нескольких метров, но как его получить. Снова попытать счастья с Хранителем. Нет уж, лучше самому...

Сысоев поднял шлем и покрутил его в руках, осматривая. Отождествитель, который состряпали ему парни из группы технической поддержки, работал, в принципе, неплохо, но то, что он считывал, было воспоминаниями отдельных индивидуумов. Так, «выдаивая» из Большого Сосуда по капле, он мог «капать» ещё сто лет. Нужно было черпануть, и черпануть как можно больше зараз.

Хранитель, между тем, завершил обряд и вернул мозг умершего обратно в чашу, а чашу — пришедшим. Заполучив обратно погребальную чашу вместе с содержимым, те удалились, также молча, как и вошли.

— Ты не ответил, — проговорил Хаттма, снова возвращаясь к человеку.

— Нет, спасибо, — рассеянно проговорил Сысоев, вертя шлем и кусая в задумчивости губы.

Видя, что его гость не расположен к общению, Хранитель незаметно исчез. Сысоев ещё раз осмотрел шлем, потом взгляд его скользнул по Большому Сосуду, остановившись на прикрепленном там датчике. Датчик находился в одной из активных точек, где можно было «переливать из сосуда в сосуд» выражаясь терминологией Хранителя. За прошедшие дни и недели он перепробовал чуть ли не все эти точки, но всегда по одной. А что если задействовать сразу несколько?

Несколько секунд он обдумывал эту идею, а затем взялся за дело. Вытряхнув из рюкзака весь запас резервных датчиков, он поналепил их по всей поверхности Сосуда и принялся настраивать шлем, синхронизируя всю систему. Завершив это дело, он нацепил шлем на голову и, весьма смутно представляя, что его ждёт, включил питание.

* * *

Сысоева хватились только к вечеру, когда он оказался единственным, кто не вернулся в лагерь. Искать долго его не пришлось: скрюченная фигура этнографа лежала там же, где он и работал всё это время — возле Большо-

го Сосуда. Он уже начал остывать и коченеть, и прибежавшему на вызов экспедиционному врачу оставалось только констатировать смерть.

— Мёртв, — глухо проговорил врач. — Часа три-четыре, как минимум.

Он осторожно снял с Сысоева шлем и потянулся к своему чемоданчику.

— А причина? — спросил координатор экспедиции. — Не мог же он просто так вот взять и умереть.

— Наружных повреждений не видно, — проговорил врач, вода над Сысоевым медицинским сканером. — Внутренних... также. Это всё, что я пока могу сказать.

— Не удивлюсь, если это дело рук местных, — прошипел один из техников. — Не иначе Игорь наткнулся на что-то такое... Спросите-ка Хаттму. Этот чёрт наверняка что-то знает.

Координатор оглядел толпу сбежавшихся сюда людей, отыскивая Голованова.

— Борис, где Хранитель?

— Должен быть здесь.

— Тащи его сюда.

Хранитель сидел в одном из многочисленных тёмных закоулков своего Хранилища, погружённый в некое подобие полудрёмы — единственный у местных способ замедлить процесс наполнения мозга. Выйдя на зов Голованова, он едва взглянул на Сысоева и сразу же переместился к Большому Сосуду. Обойдя его сферу, он вдруг прижался к ней своей уродливой шишковатой головой и замер, точно прислушиваясь к чему-то

— Он здесь, — сообщил Хаттма через несколько минут. — Он перетёк в Большой Сосуд. Весь, без остатка.

— Ты хочешь сказать, — скорчив недоверчивую гримасу, сказал Голованов, — что вместо переливания из Большого Сосуда получилось наоборот? И перелилось само его сознание?

— Да. — Хаттма показал на прилепленные к Сосуду датчики. — Я знаю, что это такое. Так нельзя. Слишком много сразу. Опасно.

— Почему ты тогда ничего ему не сказал?

— Я не знал. Я не видел. Он сказал — помощь не нужна. Я не настаивал.

— А вернуть? — спросил координатор. — Его можно вернуть?

— Нет. То, что вливается в Большой Сосуд, уже не возвращается обратно. Только память...

Координатор опустил голову, беспомощно глядя на лежащего перед ним товарища.

— Только память...

* * *

Его словно ослепило вспышкой света, и он сразу оказался в сотне разных мест, раздробившись на множество иных сущностей, независимых друг от друга, однако связанных чем-то... Она чувствовалась, эта удивительная связь: то был какой-то особый ритм, в котором бились все эти многочисленные, ставшие внезапно его, жизни. Но текли они, эти жизни, как-то странно. Длинная череда событий, которые наполняли их, делилась на множество отрывочных кусков, каждый из которых сменялся другим, однако не последующим, а наоборот — предыдущим. После очередного куска, витка чьего-то бытия, неожиданно начинался тот, что предшествовал ему, затем предыдущий этому и так далее. Он точно смотрел кино, которое смонтировал сумасшедший: сначала финальные сцены, потом эпизод за эпизодом, к началу. Но внутри самих этих эпизодов всё шло как положено: дождь лил сверху вниз, а не наоборот, как на пущенной задом наперёд плёнке, за броском молниебоя шёл разряд, и всё остальное также. Когда эта череда сцен заканчивалась тьмой небытия несуществующего, не выросшего ещё индивида, его место занимали воспоминания другого, появившегося раньше. И их количество не уменьшалось

Такое членение и последовательность «воспроизведения» чьей-то памяти было непривычно, но это уже не имело значения. Главное — он смог объединить в себе огромную массу различных воспоминаний, и поток их не истощался и не обрывался. А значит, была реальная надежда, что он доведёт его до нужного момента. До начала.

Недели бесчисленных обломов и разочарований не прошли даром. Он добился-таки своего!

Какая-то крошечная часть этого огромного мегасознания, при-

клуб любителей фантастики

надлежавшая ранее человеку по имени Игорь Сысоев, облегчённо вздохнула, постепенно привыкая

к множественности своего нового бытия, и начала долгое, невероятно долгое, длительностью в тысячи

лет, движение в прошлое Общины Нолжети.
К самым истокам. тм